

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКЕ*

В. Ю. Перов

В статье анализируется проблема моральной легитимации, которая обосновывается как существенная и специфическая проблема современного общества. В ходе исследования выделяются вариативные и многоосновные способы моральной легитимации, с точки зрения понимания нравственности как социального явления в «организованной» и «стихийной» форме (рациональная и апробативная моральная легитимация) и в контексте обобщенной моральной мотивации (статусно-ролевая, ценностно-нормативная и личностная моральная легитимация).

Одним из существенных лейтмотивов современной этики, основанной на тенденциях «постклассической», или «постметафизической философии», является признание отсутствия однозначных и явно выраженных систем ценностей, не только моральных, но и политических, культурных, социальных и т. д. Это понимается, в том числе, как принципиальная невозможность формулирования целей в равной мере как индивидуального, так и общественного развития. Зачастую данное обстоятельство, особенно в отношении моральных ценностей и обоснования нравственного поведения, объясняют кризисом так называемого «классического идеала рациональности», в области познания и объяснения мира ориентированного преимущественно на естественнонаучное знание. В этике примером такой позиции может служить следующее положение А. Макинтайра: «Разум исчислителен; он может определять истины факта и математические отношения. В практической области он может говорить только о средствах»¹. Речь идет о теоретической установке, предпо-

* Грант РГНФ 12-03-00420.

¹ Цит. по: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 67.

лагающей, что современные представления о рациональности не позволяют формулировать представления о целях ни в отношении природы, ни в отношении развития общества. Осознание того, что в природе нет целей, ради которых все существует, то, что природа существует не «для того, чтобы...», а «потому что...», является принципиальным методологическим основанием современной научной рациональности, корни которой обнаруживаются в философии и науке Нового времени. В отношении возможного определения целей общественного развития подобные представления возникают и получают широкое распространение уже в XX веке. Будучи предметом теоретических философских дискуссий, констатация такого положения дел имеет значительные практические следствия, связанные с организацией человеческой жизни, поскольку предполагает, что не только ни один человек, но и ни один социальный институт, в том числе и государство, не имеют монополии на установление целей и ценностей развития общества. Говоря о современности в нравственном отношении, можно отметить, что она сформировала следующую основную нравственную ценность: *свободного и автономного индивида*, в том смысле, что каждый человек в состоянии самостоятельно (то есть свободно и независимо) выбирать цели собственной деятельности, а значит, и собственные нравственные цели, идеалы, нормы и ценности, а также стратегию нравственного поведения. При этом важным оказывается то, что в этом отношении *свободы самоопределения* предполагается принципиальное *равенство* индивидов. Любые моральные (и не только моральные) нормы и ценности рассматриваются именно как результат человеческого установления² и, как следствие, могут быть подвергнуты

² Данное утверждение не означает, что в современном обществе не существует теоретических этических концепций или нравственных практик, предполагающих существование вечных и неизменных, заданных богом, природой, мировым разумом и т. д. моральных норм и ценностей. Но такая точка зрения (как будет показано ниже) в значительной степени есть «наследие» традиционного общества и практически исключает проблематизацию легитимации моральных норм и ценностей.

критике и пересмотру, но только не *сама свобода*, которая может быть названа «богом» современности. Классическим в этом отношении может выступать знаменитое высказывание Сартра Ж.-П. – «...человек осужден быть свободным...»³. Культom свободы пронизано все современное общество: начиная от индивида и заканчивая различными формами социальных общностей. Как следствие, в современном обществе господствует убеждение, что ценности (то, что является значимым, важным и существенным для жизни) не могут быть установлены каким-то другим, директивным способом, а являются результатом своеобразного согласия всех членов общества или, по крайней мере, тех, кого это затрагивает. «Моральная идеология» современного общества предполагает, что никакое благо не может быть навязано человеку кем-либо, помимо его воли⁴. Проблема состоит, прежде всего, в том, что индивидуальные представления о том, что хорошо или плохо, могут вступать в конфликты и противоречия друг с другом, что затрудняет формирование представлений об общих нормах и ценностях, без которых невозможна никакая совместная деятельность. Именно такая теоретико-методологическая позиция является основанием этики дискурса Ю. Хабермаса: «Вступая в моральную дискуссию, ее участники разворачивают в рефлексивной установке свои коммуникативные действия с целью восстановления нарушенного консенсуса. Следовательно, аргументированные моральные дискуссии служат улаживанию конфликтов на базе консенсуса. Конфликты в области, регулируемой нормами интеракции, бывают напрямую вызваны нарушениями нормативного согласия. Восстановительные действия могут, следовательно, состоять лишь в том, чтобы обеспечить intersubjectивное

³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 327.

⁴ Примером может служить то, что в современной медицине одной из существенных этических проблем в отношениях врач – пациент является проблема «информированного согласия», которое упрощенно выражается в том, что врач не может лечить больного без его согласия, при том, что не оспаривается ни то, что целью лечения является благо пациента, ни то, что врач лучше знает, как лечить.

притязание на значимость, которое сначала представлялось спорным, а впоследствии уже не вызывало проблем, или другому притязанию, выдвинутому вместо первого. В согласии подобного рода выражается некая *общая воля*. Но если согласие такого рода должно порождать моральные дискуссии, то недостаточно, чтобы отдельный индивид раздумывал над тем, может ли он согласиться с той или иной нормой. Недостаточно даже, чтобы все по отдельности и каждый сам за себя предавался таким раздумьям, прежде чем отдать свои голоса за то или иное решение. Скорее, требуется, так сказать, "реальная" дискуссия, в которой принимали бы совместное участие все заинтересованные лица. Только процесс достижения intersubjectивного взаимопонимания может привести к согласию, рефлексивному по своей природе: только тогда его участники смогут осознать, что совместными усилиями друг друга в чем-то убедили»⁵. Следует отметить, что предложенное Ю. Хабермасом описание этики дискурса оказывается значимым не только для разрешения собственно нравственных проблем. Быстрое развитие современного общества породило целый ряд социально-политических, экономических, культурных и технологических проблем, в отношении которых нет однозначных и четко выработанных способов решений, в том числе и потому, что нет однозначно установленных перспектив развития общества. В связи с этим возникает вопрос о признании, легитимации вырабатываемых моральных норм и ценностей. Понятие легитимации является достаточно распространенным в рамках юридического и политического дискурса и в предельно общем виде означает признание законности документов, действий, решений и т. д. В свою очередь, признание законности означает обоснованность оправдания в качестве разрешенных и допустимых соответствующих следствий (действий, решений и т. д.), которые основаны на предыдущих. Иными словами, легитимные основания выступают в качестве как самого мотива совершения действия, так и его возможного оправдания. В этическом плане это

⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 106.

в наибольшей степени соответствует процедуре обоснования: «Обоснование морали – теоретическая процедура, благодаря которой в этике пытаются доказать необходимость исполнения моральных требований (часто каких-то определенных) каждым человеком. В отличие от простого познания явлений нравственной жизни, скажем от описания нравов, процедура обоснования предполагает определение того, почему каждый отдельный индивид заинтересован в том, чтобы быть нравственным, что дает ему мораль для улучшения качества жизни. Таким образом, процедура обоснования морали претендует не только на то, чтобы доказать, что человек должен быть нравственным (например, потому, что в противном случае он будет осужден общественным мнением, будет испытывать угрызения совести), но и на то, чтобы убедить его в том, что он именно хочет быть нравственным»⁶.

С точки зрения отсутствия «предзаданных» человеку и обществу моральных норм и ценностей, современное общество кардинально отличается от традиционных обществ⁷. Нравственные отношения до формирования современного общества были «завязаны» на проблеме статуса, который определял взаимоотношения людей. Более того, отношения, в том числе и нравственные, строились не между людьми как личностями, а между их статусами. При этом существенным оказывается то, что связанные со статусом права и обязанности являлись неотъемлемыми правами-привилегиями, которые детерминировали значительную часть поведения человека в социуме, а следовательно, и в отношении с другими людьми. Эти права-привилегии были, в свою очередь, определены местом и ролью человека в соответствующей социокультурной реальности, в том числе отношениями личной зависимо-

⁶ Разин А. В. Исторические тенденции развития морали и проблема ее обоснования // Этика. Новые старые проблемы. М.: Гардарики. 1999. С. 54–55.

⁷ В контексте представленных рассуждений предлагается несколько упрощенная историческая периодизация. Известная триада «традиционное – индустриальное – постиндустриальное» общество (которая также не является универсальной) выражена в виде «традиционное – современное».

сти. Предшествующая современности нравственность была нравственностью личной зависимости (патернализм) или же ее вариациями (не случайно Дж. Локк в работе «Два трактата о правлении» в первом рассматривает именно отцовскую власть и монархическую, как ее политический вариант; аналогичные рассуждения можно встретить и у Гоббса). Связано это с тем, что в рамках «досовременного» общества жизнь человека, а следовательно, его образ жизни и определяемые им добродетели, были сконцентрированы вокруг ойкумены (ведение домашнего хозяйства). В традиционном обществе «каждый индивидуум имеет отведенную ему роль в рамках четко установленной и в высшей степени детерминированной системы ролей и статусов. Ключевыми из них были структуры родства и дома. В таком обществе человек знает, кто он, поскольку знает свою роль в этих структурах, и, значит, он знает также, чем он обязан тем, кто занимает другие роли и статусы, и чем они обязаны ему»⁸. Эти структуры родства и домашнего очага, будучи расширенными до рамок сословий или даже до государства (монарх как «отец» всех подданных), сохраняли все основные признаки родовых нравственных отношений, личной зависимости, определяемой соответствующей системой прав-привилегий и связанных с ними обязанностей. В такой системе социальных отношений, по сути дела, и не могла возникнуть проблема легитимации, как в политическом, так и в моральном смысле, поскольку человек не отделял ни себя, ни других от их статусов, что фактически исключало проблему неопределенности в самих отношениях.

В связи со становлением современного общества ситуация кардинально меняется. «Тип общества характеризуется типом антропосоциентального соответствия: – в “традиционалистском обществе” характеристики человека должны соответствовать сложившимся социентальным структурам, которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости); – в “либеральном или современном обществе” приоритет отдается

⁸ *Макинтайр А.* После добродетели. Исследование теории морали. Екатеринбург, 2000. С. 167.

свободам и ответственности людей, которые стремятся так изменить сложившиеся структуры, чтобы они соответствовали растущим потребностям и способностям индивидов и их коллективов, открывали пространство для целерациональных инноваций (принцип открытости)»⁹. Прирожденные статусы уходят на второй план, их место начинают занимать приобретенные статусы, которые не только рассматриваются как результаты личных достижений, но и предполагают возможности их смены, что выражается в усиливающейся социальной мобильности. Положение человека в социальном мире оказывается неопределенным, но в равной степени эта неопределенность выражается и в отношении других, что имеет результатом проблематичность выбора того набора моральных норм и ценностей, которым человек может и должен руководствоваться в своей жизни. Ситуация осложняется еще и тем, что предлагаемая Вебером М. «замена» традиционного способа легитимации на рациональную, более соответствующую современному обществу, не может считаться достаточной, поскольку «классический идеал рациональности» ориентирован прежде всего на объяснение, в том числе и характерного для современного общества многообразия нравственных практик, а не на их обоснование. Иными словами, «рациональность» позволяет только зафиксировать наличие множества совместимых жизненных и нравственных практик и связанных с ними «моделей» моральных норм и ценностей, но не определить необходимость выбора конкретной «модели». Именно об этом и пишет Хабермас Ю. «Дискуссии об отношении веры в легитимацию к истине разгорелась из-за веберовской трактовки веры в легальность; тем самым она ведет к проблеме возможности обоснования норм действия и оценки вообще — и эту проблему не разрешить социологическими средствами»¹⁰, понимая под «социологическими средствами» методы позитивной, описательной социологии.

⁹ Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3 (11). С. 33.

¹⁰ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010. С. 168.

Для рассмотрения данной проблемы необходимо выдвинуть следующее положение. Нравственность на сегодняшний день выступает в качестве многомерного и сложно структурированного образования¹¹. Речь идет не только о том, что она включает в себя различные аспекты, то есть является частью психической (духовной), социальной, практической жизни человека, но и о том, что она имеет многомерный «онтологический» (бытийный) статус, то есть не может быть сведена к единому основанию. Наиболее явно это проявляется в различии и несводимости друг к другу нравственности как социального («объективного») явления и моральной («субъективной») мотивации¹². Причины, почему существуют те или иные моральные нормы и ценности, как некий моральный «нормативный порядок», не являются достаточным основанием для того, чтобы объяснить, почему (с точки зрения мотивации) тот или иной человек следует им. И в отношении различных «элементов» нравственности существуют и различные способы моральной легитимации. И если, говоря о легитимации в общем виде, можно согласиться с тем, как ее понимает Хабермас («легитимацию господствующих порядков и базисных норм можно понимать как специализацию этой функции «наделения смыслом»¹³), то в моральном контексте она интерпретируется как описанная выше процедура обоснования морали как нормативного порядка. С точки зрения понимания нравственности как социального явления кратко можно выделить в русле веберовских «идеальных типов» следующие способы (формы) ее существования:

¹¹ Следует отметить, что в ходе истории нравственность тоже не была единой, но, во-первых, различные «виды» нравственности не рассматривались как равноценные (например, «религиозная» и «мирская» нравственность в рамках противопоставления «клира» и «мира»), во-вторых, при этом не предполагалась возможность самоопределения человека.

¹² Это не единственное структурное различие нравственности, кроме этого, к наиболее существенным обычно относят: различия между происхождением и существованием нравственности, ее генезисом и значением и т. д.

¹³ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. С. 194–195.

В-первых, это совокупность правил (норм) действия и ценностей, которые предлагаются индивидам различными социальными институализированными структурами, такими как семья, образовательные институты, религия (как церковь), государство, профессиональные, корпоративные структуры и т. д. Речь идет о своеобразных «этических доктринах» (по аналогии с «правовой доктриной»), то есть о более или менее обоснованных, формально организованных моральных нормативных порядках, которые существовали и продолжают существовать в современном мире. Основными характеристиками этого способа существования нравственности являются следующие: а) относительно организованная определенность; б) публичность. В связи с этим, именно в отношении «этической доктрины» в наибольшей степени применима *рациональная легитимация*, поскольку предполагается возможность критической оценки и пересмотра самого морального нормативного порядка.

Во-вторых, моральные императивы и ценности могут существовать некоторым неинституализированным («стихийным») способом, в виде традиций, обычаев, способов воспитания, жизненного опыта и т. д., то есть через совокупность нравственных практик, с которыми сталкивается человек в ходе своей жизнедеятельности. В этом случае можно говорить: а) о высокой степени неопределенности; б) приватности. Существующие моральные нормы и ценности воспринимаются как данность, критический анализ исходного морального нормативного порядка оказывается невозможным (или крайне затруднительным), и в качестве основной выступает *апробативная легитимация*.

Возникающие в отношении нравственности как социального явления сложности связаны не только в том, что границы между описываемыми способами существования зачастую оказываются размытыми, но и с тем, что в различные исторические эпохи одни и те же формулировки нравственных предписаний наполнялись различным содержанием в зависимости от тех условий социально-культурного бытия, в котором осуществлялась человеческая жизнедеятельность. Показательным примером может выступать известное тре-

бование «не кради», значение которого зависит от исторической определенности отношений собственности. Но будучи сформулированными в виде нравственных (то есть во всеобщей и универсальной форме, иными словами, с претензией на применимость «для всех времен и народов»: «не укради» означает – «никто ни у кого ничего красть не должен»), они переживали и переживают породившую их историческую эпоху в различных возможных вариантах: а) полностью сохраняя старое содержание; б) переинтерпретируя старое содержание, вплоть до наполнения его моральным значением, противоречащим предыдущему. Например, лишение рабовладельца его собственности (раба) в соответствующих обществах рассматривалось как кража и было морально (и юридически) осуждаемым и наказуемым поступком. В современном обществе – это морально одобряемый и поощряемый поступок, а действия рабовладельца рассматриваются как лишение свободы другого человека («кража свободы») и являются морально осуждаемыми. Происходит адаптация предшествующих норм к новым социально-историческим условиям человеческого бытия. На каждый период исторического развития общества оба эти варианта в отношении большинства норм сосуществуют в разных пропорциях, находя своих сторонников и противников¹⁴, тем самым порождая определенные теоретические дискуссии в области этики, а также реально-практические нравственные конфликты различного уровня.

Поскольку эти правила, нормы, ценности, императивы, жизненные практики не существуют в виде системного единства (в виде свода правил, законов и т. д.), то они образуют достаточно сложную «игру» элементов, которые дополняют, компенсируют, корректируют, иногда противоречат и отменяют друг друга, создавая тем самым возможность свобод-

¹⁴ Даже применительно к проблеме рабства, можно говорить о современных формах рабства, например, по отношению к нелегальным иммигрантам, эксплуатация которых, при декларативном осуждении рабства, с точки зрения существующей морали, характерна для большинства государств. Находятся люди, которые считают подобное положение дел вполне допустимым с моральной точки зрения.

ного человеческого поведения, позволяют человеку использовать допускаемые в рамках существующей совокупности моральных нормативных порядков различного рода компромиссы, уловки и отговорки, а также порождают моральные конфликты, в том числе конфликты и кризисы легитимации. Как отмечал Ю. Хабермас, «...в основе кризиса легитимации должен лежать кризис мотивации, т. е. несоответствие между, с одной стороны, мотивами, заявленными государством, образовательной системой и системой занятости, и, с другой стороны, мотивациями, предлагаемыми социокультурной системой»¹⁵.

Существенным оказывается то, что человек, рождаясь в определенной социокультурной ситуации, застаёт, с одной стороны, систему нравственных практик, с другой — систему более или менее теоретизированных и осмысленных представлений о том, какие из них являются нравственными в положительном смысле этого слова. При этом существующая социокультурная реальность (при доминировании определенного способа жизнедеятельности человека) также представляет некий конгломерат, в котором сосуществуют не только явления, порожденные современностью, но и традиции прошлых исторических эпох. В ходе своей жизни, социализации, образования, воспитания и нравственной практики, человек вырабатывает определенные отношения к этим явлениям, что, в конечном счете, формирует его моральную мотивацию. В предельно общем виде ее можно определить следующим образом: моральная мотивация — способ, которым «*нужно себя вести*», (т. е. «*должное / допустимое / недопустимое поведение*»), посредством которого человек выстраивает свое отношение (выбор подчинения / неподчинения) в отношении «предлагаемых» моральных нормативных порядков, конституируя себя через собственное поведение и его возможное осознание в качестве «*морального субъекта*». Иными словами, речь идет о том способе, посредством которого люди: а) более или менее полно подчиняют себя

¹⁵ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. С. 126.

существующей совокупности морально значимых нормативных порядков в целом или отдельным моральным принципам и ценностям; б) повинуются или противятся существующим запретам или предписаниям; в) осуществляют свой моральный выбор, то есть предпочитают некоторую совокупность норм и ценностей или же отвергают ее в каждой конкретной жизненной ситуации.

Возможные варианты «обобщенной моральной мотивации»¹⁶ могут быть описаны следующим образом: существует некоторый моральный нормативный порядок, включающий в себя систему ценностей и свод правил, предписывающих определенные нравственные действия или же действия, которые могут быть оценены с нравственной точки зрения. При этом способ легитимации как придания значимости данному моральному нормативному порядку может быть основан на следующих основаниях:

во-первых, в силу принадлежности к определенной социальной группе (в широком смысле), в которой существует данный нормативный порядок (в «организованной» или «стихийной» форме), поддержание его легитимности мотивировано: а) осознанием значимости существующего нормативного порядка для существования самой группы; б) желанием оставаться в ней. Особенно это ситуация характерна для профессиональных и корпоративных этик. В связи с этим можно говорить о своеобразной «*статусно-ролевой легитимации*», когда доминирующим выступает выбор статуса и роли (например, профессии), который определяет самоидентификацию человека, осознание им своего положения в обществе и, как следствие, моральную легитимацию нормативных порядков, то есть выбор тех норм и ценностей, которыми он руководствуется в своей жизни.

Во-вторых, человек может рассматривать себя в качестве наследника некоторой нравственной традиции и чувствует

¹⁶ В контексте рассмотрения моральной легитимации речь идет об «обобщенной моральной мотивации», которая понимается в качестве «идеального типа» возможной мотивации, поскольку вопрос о мотивах каждого человека решается каждый раз именно в отношении данного человека.

ответственность за ее поддержание, возрождение или существование. В качестве примера можно говорить о приверженности нормативным порядкам религиозной морали, то есть быть христианином, мусульманином и т. д. Аналогично человек может выбирать приверженность политическим идеологиям и разделять ценности демократии, монархии и т. д. Это может быть, в том числе, связано с ценностями различных субкультур (байкеры, футбольные болельщики, любители оперы и т. д.) В этом случае доминирующей оказывается *«ценностно-нормативная легитимация»*, то есть человек через выбор морального нормативного порядка определяет свое положение в обществе (статусы и роли) и соответствующие способы поведения.

В-третьих, человек может предлагать себя или свои нравственные решения в качестве некоторого примера (образца в виде «морального героя»), пытаясь придать своему индивидуальному поведению характер всеобщности и универсальности, отвечающей критериям нравственных идеалов, то есть выступая (с различной степенью осознанности) создателем нового морального нормативного порядка (другое дело, станет ли его поведение нормой-образцом для других, получив соответствующую моральную легитимацию). Данный вид является наиболее редким, но кто-то был в свое время первым христианином, мусульманином, демократом, байкером, любителем оперы и т. д., даже если история и не всегда сохранила их имена. В этом случае речь может идти о *«личностной легитимации»*, существование которой вызвано именно личной неудовлетворенностью (в различной степени) предыдущими способами моральной легитимации, и возникающим желанием выработки новых моральных нормативных порядков. В современном обществе потребность в такой легитимации особенно явно проявляется в существовании прикладных этик в их теоретическом и практическом понимании, поскольку их возникновение во второй половине XX века и последующее развитие во многом было определено тем, что существующие как «организованные», так и «стихийные» моральные нормативные порядки оказались недостаточными для удовлетворительного ответа на «вызовы современно-

сти» и возникающие рисков, которые являются результатами быстрых социальных, культурных и технологических изменений, характерных для современного общества. В связи с этим и возникает необходимость выработки новых нормативных порядков, которые через процессы моральной легитимации могли бы выступать в качестве оснований для принятия решений и оправдания образа действий.

В качестве итога рассмотрения можно сформулировать следующее понимание сущности моральной легитимации, которая может быть определена как вариативная и многоосновная процедура «обобщенной мотивации» (выбора, признания, обоснования, оправдания и придания смысла) «организованного» и/или «стихийного» общественного базового нормативного порядка посредством самоопределения и самоидентификации человека в качестве морального субъекта.